

Сухоносова Екатерина Викторовна

Биография: родилась 15 марта 1985 года в городе Ворошиловград СССР. Окончила Восточноукраинский Национальный Университет имени В.Даля города Луганск. Получила диплом экономиста.

Работала по специальности. Поэзией занималась со школьных лет. В 2021 году сменила место жительства на город Краснодар РФ. Вместе с тем и вид деятельности, стала организатором творческих фестивалей. Ранее не публиковалась и не участвовала в конкурсах. Публиковаться в сети интернет начала с января 2025 года.

Телефон: +79531001805

email: flordekatrin@vk.com

Краснодар

Вуаль

Разбодяженный джин, соком чувств отравленных, ядовитых.

Такой привычный январь звучит под аккорды моей паранойи.

И мне просто лень понимать их странные алгоритмы. Помоги мне.

Или пусть за нас решает февраль, воскреснем ли вместе весной.

Пока просто побуду в постеле, глазами сверля потолок

Полупустой квартиры. Мы с ней друг другу уже надоели,

Пытаясь найти по углам, ответ на злободневный вопрос.

Почему все случается, как мы не хотели? Или, все же, хотели?

Самый страшный сон говорит хоронить свое сердце под одеялом.

Научиться жить не дорожа, и не рвать ослабленные, тонкие струны.

Ему стоило только остыть, чтобы снова сгорать от твоих изъязнов.

Адреналином вмешаться, нарушая привычные ритмы, скучные.

Вырву страха занозу из мозга. Давно пора, ей там стало тесно.

Припудрю душу и пойду украшать себя тонкой вуалью.

Скрывать глубину, и в одиночку тонуть в ней, будет не честно.

Обо всем и на чистоту, пусть горчит вино моих слов в твоём бокале.

С удобной улыбкой, когда боль в груди не выпускает воздух.

Только теперь у меня есть мечты и где-то в траве затерялся нимб.

Комом в горле слова все не в такт, в этой близкой мне философии.

Один патрон на двоих. Давай сыграем и жизнь одну на двоих.

Ищешь свое среди судеб поломанных, сердец разбитых, но там его нет.

Я там, где зима превращает сердца в огромные, замерзшие глыбы.

Тому, что не бьется, невозможно разбиться, лишь таять в тепле.

В ожидании пороха замерла. Еще немного, и просто подожги меня.

А пока, лед крошится о мои зубы, и странно верить, что кто-то

спасает.

Может, это мой наркотический сдвиг? И всему свое время?

Но, приказами жить, вуаль спадает на плечи. И я воскресаю.

Белыми швами все очевидно, но у меня всегда все несвоевременно.

Эти сны не дают мне остыть, утверждая, что после будет паршиво.

Я столько раз умирала при жизни и больше так хочу.

Обними меня. Отдай свое имя. Главное, чтоб не фальшиво.

Стекают по телу чувства, вуалью, ниже. Пусть больно, зато я живу.

Ночь кричит на меня свысока, что всегда для двоих пути
параллельны.

И невкусным стал чай, бесчувственно обжигая травами.

Возможно отпустит. Но хотим ли мы отпустить, искалечив печень?

Если ты меня потеряешь, оставлю эти бессонные ночи на память.

Ножевым по живым и поглубже, умело смысл спрятан от глаз

В личных, на обезличенных персонажей из подсознания.

Хочу правду знать, даже если я для тебя самый жестокий враг.

Одного не хочу точно, чтобы наша песня закончилась, а вуаль оставалась.

Половина неба

Она держала половину неба

На хрупких ладонях.

Старательно.

С усердием, руки, повыше, вытягивая.

Сколько прошло мимо прохожих,

Искусственной силой накачанных.

Так, никто, и не помог ей,

С непомерной ношей справиться.

Она держала половину неба.

Руки стали сгибаться.

Вторая половина, с усердием,

Их медленно опускает

На плечи.

И вот, уже, половина неба

На хрупкую шею ей давит.

Постепенно, в борьбе побеждает

Та половина неба,

Которую никто не держит.

Ее к земле тянет камень

Черствых сердец,

А плечи, постепенно, силу теряют.

Начинает склоняться под весом,

Грузом обещаний,

В пустых ожиданиях,

Что все, вот-вот, изменится

И, кто-то плечо подставит

Под вторую половину неба.

Но, желающие не появляются.

И небо,

Уже, спину, с хрустом, ломает.

Она еще держится.

Сопrotивляется.

Но, хрупкое, миниатюрное тело,

Не для этого предназначалось.

Не смотря на тягость усилий,

Выстоять в этой борьбе пытается

И победить.

Но побеждается.

В одиночестве, небом, поверженная.

На колени падает.

И не ждет, уже больше, прохожих.

Ей не видно их, просто.

С головой, склоненной под облаком

И растрепанными волосами.

Лицо земли касается.

Земля ее принимать готовится,

Когда небо раздавит.

Может, хоть, прорастет ромашкой?

В награду.

За столь долгую

Борьбу, с непомерной тяжестью.

В желании, выдержать половину неба,

До тех пор,

Пока, кто-то плечо не подставит.

Или целым ромашковым полем?

За то, что борьба была долгой.

Упорной.

Ресницы за траву цепляются.

Закрывает глаза.

Завершается

Долгий, мучительный труд,

Успехом не увенчавшийся.

Так случается.

Когда, кто-то, неба груз,

На чужие хрупкие плечи бросает.
Сам наслаждается солнечным светом,
На ромашковом поле отдыхая,
Пока, кто-то держит половину неба
И, повыше, его поднимает.
Стало легче дышать, от чего-то.
Глаза открыть получается.
И лицо от земли уже далеко.
Кости стали срастаться правильно.
Спина распрямляется,
С коленей своих поднимается.
И шею не давит облако.
И руки, свободно, вверх поднимаются.
И, на хрупких ее ладошках,
Половина неба,
Превращается в легкое перышко.
Грудь наполняется радостью.
Весенний воздух принес запах счастья

И, помощь, крепким плечом.

Кто-то поднял половину неба

Вторую

И, заодно, ее.

Но кто?

И за что,

Снял с нее, убивающее, одиночество?

Покажи ей свое лицо,

Под, пушистого неба, легкостью.

На двоих, теперь, одного.

Зачем ты вырвал мне ребра?

Вырвал ребра мои по кускам.

Вытащил сердце

И растоптал.

Изорвал пальцами душу, в хлам,

Как тряпку.

Вытер грех со своего лица,

Намотал на кулак

И ударил еще раз

Сильнее,

Больнее,

Своим лицемерием.

Растратил наше, на похоть временную.

Но, было бы с кем...

С, посредственной, первой встречной.

Жаль, что тебе меня

Недостаточно

Оказалось.

Показалось?

Я предложила тебя заменить

И ты согласился с радостью,

В тот же миг.

Мне в глаза улыбаясь,

Пошел вырывать мои ребра,

Срывая белье с ее бедер.

Ошибся?

Не так меня понял?

Прости, не знала, что ты безвольный.

Какая разница

И какое это имеет значение?

Когда твоим телом стала она,

Но воздухом я осталась.

Ты понял это только тогда,

Когда потерял.

Я поняла, что во мне воздуха не осталось,

Когда правду, от тебя же, узнала

В подробностях.

Зачем ты об этом мне рассказал?

Что чувствовал, когда рассказами

Про позы, место, белье,

Меня убивал?

Скорее всего ничего...

А я подогревала разговор.

Но не смотрела.

Сдерживалась, как могла,

Чтобы дождаться конца.

Потом улыбка,

А в глазах вода.

И, резко, стало, как в склепе, холодно

Там, где сквозила дыра

От вырванных ребер.

Будто я умерла.

Просила: «Договори

До итога»

Но внутри просила: «Соври»

Боль по телу, от множества мелких осколков.

И, не спасти

То, что тихим стало в груди.

Потеряло голос.

Замолкло.

Отпустила тебя.

Но, на самом деле,

Хотела с тобой выбраться

Из этого холода,

Остатками ребер.

Позволю тебе со мной, снова,

Попробовать сблизиться.

Построить мосты и спастись,

Перейти эту пропасть.

Простила...

Просто любила.

Даже ошибки твои

И руки, в моих осколках,

От вынутых, резко, предательством, ребер.

Теперь вытачивай новые.

Пока я совсем не замерзла.

И не умерла.

От боли

Оскверненной любви.

Мертвые души

Нечего ждать.

Нас никто уже не навестит,

С нашего прошлого света.

Давай воскреснем

Вместе,

На этом.

Утопим кораблик бумажный

Под льдинами,

Растопленными

Теплом нежности.

Грузом к нему прикрепим,

Исписанные ненавистью,

Сгоревшие тома, не первые,

И не одни,

Наших многотмников

Мертвой души.

Скажем, что мы в порядке.

Даже, если хочется сдохнуть

От непоправимых поломок.

Даже, если слезла кожа

От ожогов

И, от костей обломки

Приковали к земле, прочно.

Мы не мертвые.

В нас больше живого,

Чем в каждом,

Кто был в нашей жизни прохожим

И совершал поджоги

Чувств,

В рукописях изложенных

Не первых,

И не единственных,

Многотомников Душ мертвых.

Пусть они станут последними

На этом свете.

И начало положат

Новой, живой, повести.

С не банальным, и не заезженным

Смыслом,

В меру остросюжетным.

И, не приторно-горьким,

Как сгоревшая, прежде на костре,

Карамель

В ложке.

Сгорели наши, не первые,

И не единственные,

Мертвые души.

Ледниковой пожар потушен.

Воскресают из пепла

Наши,

Живые души.

Спасибо пеплу за это.

И всем, причастным к поджогу,

Былых чувств и надежд,

Рукописей.

Эвтаназия

Мои локоны по ветру, осиротевшими зимними ветками.

Не пройдешь не израненным мимо, посмотришь в след, и
зацепишься.

В моих мыслях то, что останется под людишек запретами.

Нет дела до них, я темноту съела и игру веду с ней, как крот
ослепший.

Дверь захлопнута в одиночную камеру моего болезненного сознания,

День и ночь в ней подвисли, где-то в районе потускневшей люстры.

Здесь тоски до краев, не забудь про спасательный, в мою волну
ныряя,

Если смелый такой, смог ее уловить и вытянуть из жизни ублюдской.

Не сбежать от себя без ног, как от тоталитарной секты.

Я промерзла до мозга костей, мне нужно место у моря и горячий
песок.

Добро пожаловать, в беспредельный ультрас - мой фанатский сектор!

Для тех, кто вжиться в образ бардельный и притворяться так и не
смог.

На день открытых дверей в моей психушке, захвати фотошоп иллюзий.

Медленный распад. Тяжело, но нужно, это лечится без докторов.

Без подсказок знаешь, как, но ждешь. И когда курю, включаешь газ на кухне.

Смотришь, как я живу между вдохом и выдохом, полом и потолком.

Мое сердце огромный камень и оно меня тянет на самое дно.

Не спеши присыпать землей. А что если в камне миллиарды карат?

Связь со мной не провал, а босиком по углям. Больно, но не скучно зато.

Твой приговор по всей строгости - печаль в моих облеченных зрачках.

Всем остальным - под запретом лезть ко мне в душу, там итак нечего рушить.

Все с ног на голову перевернуто в этом городе, огромном и грустном.

Моя жизнь научит круче любого учебника, как спастись от удушья.

Между бессмыслицей и толком завис в поисках? Зря ищешь, здесь пусто.

Учи ошибки наизусть, чтобы потом не «была давно» ни любовь, ни дружба.

И в этой игре, кто же на самом деле круче, я снова возрожденный циник.

Отпустить на свободу или пустить в расход, не всегда решать нужно.

И свет, на заколоченных окнах между досок, намного приятнее цинка.

Все, кто считали железной коробкой или куклой утех надувной,

По заслугам получают, от тайного Санты, под елку уловку.

Я полетала на вашем дне. Срок истек. Летальный исход.

Только с одним я буду робкая, и от него в голове коротит проводку.

И в сердце, что-то законсервировано, с пометкой опасной химии.

Мое последнее слово - маленький сломанный файл с огромной фантазией.

Мне нужно только одно - мое дышащее сердце с дыханьем взаимным.

От смерти на волоске. Спасет? Или выход один - моя эвтаназия?

Душно

Душно. Внутри.

И даже снаружи.

Мы уютом задушены.

Боимся перестать быть послушными

И нарушить череду своих привилегий,

Покорством полученных.

Врем своим душам,

Что на мягкой постели

Нам лучше.

Разносим свою колыбельную

Ветром,

Как вирус

Через тонкие стенки сосудов.

Посредством массового потребления,

В нестабильные умы

И, жадные до лжи,

Слабые к сопротивлению, уши.

Заражая иных малодушием.

Превращая в стадо послушников.

Обездушены сами,

Прикрывая свою гнилую наружность,

Модой времени,

Необходимостью ей соответствовать.

Потребляем незрелых,

Потребляемые кем-то сверху.

Калечим умы и волю,

Посредственностью

И подчинением,

Перемен иллюзией.

Когда же будет конец

Этой цепочке

Уродливого затмения?

Пирамиде из жизней поломанных,

Выстроенной

На территории чьих-то поместий,

Упивающихся

Своим творением

В театре пантомим,

Как высокого искусства зрелищем.

Выйдет огненное, из затмения,

И сожжет

Породителей секты,

Снимая заклятие

Со всех, по глупости и доверчивости

Попавших в сети,

Под влиянием течения времени.

Искоренит заразу.

Очистит кровь от дурмана

Опиума

И токсинов инъекций.

Преобразится земля.

Облачится в исходное,

Не изувеченное.

Только б дождаться луча.

И найти направление,

Для истребления

Коренища зла,

Питающегося нашими душами,

В обмен на череду привилегий.

И больше не душно.

Ни внутри,

Ни снаружи.

Освобожденным, от палачей

Под маской спасителей,

Душам.

Совесьть

Так будет лучше.

Наверное, лучше.

Не придется платить ипотеку на совесть,

Все последующие

Лет так... много.

Легче смывать себя в душе,

Каждую ночь,

Подводя итоги.

Оставляя тирана под кожей,

Стирая с лица,

Старательно,

Искажение

Дневных мечтаний.

Привычного хватит на пропитание.

А этот ужин

В дорогом ресторане

Нам, видимо,
Не по карману.
Только спорит карма.
И голову вниз опускает,
Где совесть стучится в плечо
И мораль капиллярами
Уродует тело.
А карма, довольная,
Улыбается.
Я бы все исправила.
Раздавила ее мокрой ногой.
Видимо поздно.
Ускользает, скрывается.
Слишком много
Мыльной воды натекло.
От пара рассудок теряется,
Прячется,
За запотевшим стеклом.
Напишу остатками смысла здорового
На нем
Для тебя
Послание:

«Лучше за мной не лети.

Сгоришь на пути.

Своим присутствием

Я, только,

Испорчу жизнь»

Но смываю водой.

И рукой старательно.

В очередной...

Совесть смыло.

Карма, с ухмылкой,

Притаилась под ребрами.

И довольная.

Победила.

Открою окно.

Приходи,

Не слушай меня.

Мне уже не вырваться

Из западни.

Признания тихо

Замерли.

На измене они.

А, вдруг, глупо?

И разум боится ошибиться.
Вдруг, опять, не мое,
И, опять, сценарист Стивен Кинг?
Ну давай по-честному.
Ты же хочешь все.
Даже больше, чем все,
И чтобы сюжет не наигранный.
Или мне только кажется,
И зря я во сне тебя видела,
И посыпалась крупичками?
Видимо...
Остается только одно.
Стать, чьим-то кормом,
Размазанным
И размытым водой,
Изрядно замыленной.
И совесть, из плеча, наружу.
Посмотреть ей в глаза.
Своими,
Тобой простуженными.
И признать,
Что так будет лучше.

Наверное, лучше.

Хоть и не справедливо...

Немое кино

Как в картинках немого кино, старого черно-белого,

Скрыты попытки поговорить, с кем-то о сокровенном.

Признаю свое несовершенство в стихах, до рассвета.

Из болота спасать утопающих желания нет, и некого.

Попадают в него по наивности или нелепой случайности.

Остаются по глупости собственных, низких желаний.

В разговоры немого с глухим, по ночам, превращается

Омерзительность пьяного бреда с отрезвленным сознанием.

Сам себе режиссер. Реставрирую пленку затертую, старую.

Неприятными красками правды ее разукрашиваю.

Желчью, к тварям дрожащим, что, угодливо, харч поглощают.

И устеленным латками, продавленным фурами лжи, асфальтом.

Премии не получают документальные, честные, грязные.

Сюжет обыден и прост, за такие не платят банкнотами.

Где, танцевать на костях выбирают, чтобы выстроить новые связи.

И, вместо оперы, скакать на концерте на другом конце... города.

Пощечин, руки подающего, принимать с благодарностью.

Кроить свой фасон под новые, модные стандарты,

Чтобы донат получить, и визу в жизнь новую, с роскошной кроватью,

Где под новый вкус свой фасад предстоит перекраивать.

По пустым коридорам не удастся от себя, в никуда, убежать.

Я люблю быть художником, рисуя свои амплитуды.

Важно на шелковых простынях не проспать шанс верный курс взять.

Второй попытки в единственной жизни не будет.

Всю дорогу не была под чьими-то стопами, потными

Не деньги корень зла, а желание их получить без труда.

Себя раздавать перспективам огромным, в долг.

По утрам, до блеска, ботинки хозяина старательно начищать.

Есть много химчисток, где обслужат по высшему классу.

Много импортных средств применяют, чтоб в избранный список
попасть.

Мне комфортней сидеть своим мягким на скромной, уютной террасе.

С ароматным гречишным в руках, сквозь бедствовремен, свой сад
созерцать.